

УДК 82-941

ВАЛААМСКИЙ МОНАСТЫРЬ В ВОСПРИЯТИИ А. Н. МУРАВЬЁВА: КУЛЬТУРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ ЭПОХИ

Мироненко Елена Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и русского языка, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: mir24elena@yandex.ru

Статья посвящена сложности происходившего во второй трети XIX века процесса национально-духовной самоидентификации русского образованного общества, ставшей особенно актуальной в связи с постепенным осознанием необходимости возврата к православной духовности, осмысляемой как национально-мировоззренческий компонент русской культуры. Особенности восприятия духовной жизни православия представителем высшего сословия рассматриваются на примере главы «Валаам» из книги А. Н. Муравьёва «Путешествие по святым местам русским». Очерк «Валаам» исследуется как документальное свидетельство о жизни Валаамской обители в период нестроений внутренней жизни, предшествовавший смуте 1833 года, а также эпохи романтизма, знаком которой становятся первые попытки сопряжения двух миров, возникших в русской культуре в постпетровскую эпоху: народной культуры и культуры элитарной, западно-ориентированной. Особое внимание уделяется сочетанию элементов романтического мировосприятия (интерес к экзотике и фольклору, романтическое двоемие, пейзаж) и рационалистического взгляда человека, воспитанного на образцах секуляризованной западноевропейской культуры. Анализируются такие черты рационалистического сознания человека элитарной культуры, как большее доверие не устным народным преданиям, а письменным свидетельствам, не древнерусским летописям, а иностранным источникам. Автор статьи приходит к выводу о том, что в восприятии духовной жизни монастыря писатель руководствуется не только непосредственным опытом, но и культурными стереотипами эпохи, что свойственно начальному этапу вхождения светского писателя в мир народной православной веры.

Ключевые слова: культура, православие, национальная самоидентификация, литературное паломничество, романтизм.

VALAAM MONASTERY IN THE PERCEPTION OF A.N. MURAVYEV: CULTURAL STEREOTYPES OF THE EARLY 19TH CENTURY

Mironenko Elena Anatolyevna, PhD in Philology, Associate Professor of Department of Literature and Russian Language, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: mir24elena@yandex.ru

The article is devoted to the complexity of what was happening in the early 19th century in the process of national-spiritual identity of Russian educated society, which became particularly relevant in connection with the awareness of the need to return to Orthodox spirituality, interpreted as a national ideological component of Russian culture. Features of perception of the spiritual life of Orthodoxy, representatives of the upper class are considered on the example of the head of the “Valaam” from the book by A.N. Muravyev, “The Journey to the Holy places Russian.” The essay “Valaam” deals with the document about life of the Valaam monastery in the period of the riots of 1833, and also the romantic era, the sign of which are the first attempts pairing the two worlds that arose in Russian culture in 18th century: folk culture and culture of elite, Western-minded. Special attention is paid to the combination of the romantic elements of attitude (interest in the exotic and folklore, romantic worlds, romantic landscape) and the rationalist view of man, brought up on samples secularized by the Western culture. Such feature of the rationalist human consciousness is elitist culture as more credible written evidence, but not folklore, foreign sources and not the old Russian Chronicles. The author comes to the conclusion that in the perception of the spiritual life of the monastery the writer is guided by not only direct experience but also the cultural stereotypes of the era, which is characteristic of the initial stage of entering a secular writer in a world of people of the Orthodox faith.

Keywords: culture, Orthodoxy, national identity, literary pilgrimage, romanticism.

В культуре высшего сословия России, подвергшейся переориентации в постпетровскую эпоху, ко второй трети XIX века становится актуальной проблема национальной самоидентификации, включающей важнейший религиозно-мировоззренческий компонент. Необходимость возвращения к традиционной православной духовности как основе русской культуры осмысливается, прежде всего, в литературной среде.

Размышляя о феномене «возвращения» в качестве узловых моментов русской литературы, исследователи отмечают середину XIX века: «Это возвращение проявляется в критический для русской духовности момент в определенной общественно-исторической ситуации, когда цивилизационная перспектива сужается фактически до западноевропейского вектора развития, а также в судьбоносный момент становления писательской индивидуальности, когда запросы национальной культуры к ее творчеству вступают в конфликт с практикой превалирующих инодуховных мировоззренчески-эстетических установок, когда драматические перипетии личной жизни возвращают человека к родной почве» [1].

Сложность процесса «возвращения» представляется возможным проследить на примере

очерка «Валаам» А. Н. Муравьева, включенного автором отдельной главой в первую часть издания 1835 года книги «Путешествия по святым местам русским». Произведение писателя и путешественника, общественного деятеля становится знаковым, знаменуя собой попытку синтеза в литературном путешествии паломнического типа светской и духовной линий русской литературы, а через нее и культуры [10, с. 171]. В отличие от популярного в первую треть XIX века жанра светского путешествия, жанр паломничества подразумевал не только описание путешествия, но и трансформацию личности в результате приобщения к ценностям духовной культуры.

Литературные вкусы А. Н. Муравьева воспитывались под влиянием главенствующей в первую треть XIX века романтической эстетики, в числе предпочтений были иностранные писатели – Дж. Мильтон, Ф. Г. Клопшток, Оссиан, ради последнего писатель даже выучил английский язык [4]. Мировоззрение писателя формировалось в литературном кружке С. Е. Раича, поэта и переводчика, брата Киевского митрополита Филарета (Амфитеатрова), который посещали Н. И. Полевой, М. П. Погодин, С. П. Шевырев, В. Ф. Одоевский. Круг общения писателя вклю-

чал идеолога славянофильства А. С. Хомякова и издателя «Русской беседы» А. И. Кошелева [8]. Личность А. Н. Муравьева вызывала неоднозначную оценку современников – от восторженной оценки писателя, «согретого любовью к святыне веры», западником И. С. Тургеневым до скептического отношения почвенника Н. С. Лескова, тем не менее, называвшего его «характерным выразителем своего времени» [9, с. 175; 5, с. 375].

Глава «Валаам» рождается после поездки в Валаамскую обитель в 1833 году и свидетельствует о реальном состоянии обители, а также о культурных стереотипах образованного человека своей эпохи. Для человека, воспитанного на образцах западной культуры, путешествие к русским святыням было открытием мира архаической старины и народных верований, интерес к которому также являлся отличительной чертой романтизма. Художественное пространство в очерке осмысливается в духе романтического двоемирия: преодоление водной преграды между материком и архипелагом актуализирует мифологическую оппозицию *свой – чужой*. Причем чужой мир воспринимается именно как пространство инобытия, где иноки «умерли» для здешней жизни. Путь на Валаам овеян романтическим ореолом: «Молва о Ладожских непогодах колебала несколько доверенность нашу к кормчему, долго служившему на море... и он начинал уже скучать <...>. Внезапно среди безмолвия ночи и плывущих, духовная песнь его огласила воды; кормчий инок, двигая руль свой по угадываемому им направлению Валаама, призвал себе на помощь его пустынных основателей» [6, с. 127]. Духовная песня воспринимается как некое мистическое действие, в результате которого остров появляется из сумрака тумана, словно из небытия. В обратном плавании граница между мирами также отмечена – она знаменуется крестом, который воспринимается автором романтически – как знак, отмечающий рубеж, за которым заканчивается «преходящая слава мира» [6, с. 148].

Повествуя о Валааме, автор приводит большое количество устных преданий и письменных свидетельств из «Сказания о Валаамском монастыре» и «Жития Авраамия Ростовского»: об Андрее Первозванном, основателях монастыря пр. Сергии и Германе, пр. Александре Свирском и др. Помимо познавательного интереса, включение преданий позволяло удовлетворить прису-

щую эпохе романтизма тягу ко всему экзотическому. Авторские комментарии свидетельствуют, что литератор более доверяет письменным источникам, нежели преданиям, хранящимся в живой памяти народа. Пересказывая истории пребывания ап. Андрея на Валааме и крещения им местного язычника Мунга под именем Германа, ставшего одним из основателей монастыря, автор характеризует их как «темные», замечая, что «вся сия повесть, извлеченная из древней рукописи... ничем не доказана» [6, с. 128–129]. В то же время присущая эпохе ориентация на запад позволяет автору принимать на веру сведения из других рукописных источников, «с большим вероятием» он склонен считать пр. Сергия и Германа «греческими выходцами, искавшими просветить Север» [6, с. 129]. Воспроизводя историческое предание о шведском короле Магнусе, Муравьев также характеризует его как «темное» [6, с. 134–135]. Сомневаться в исторической достоверности предания заставляет иностранный источник – шведские летописи, которые утверждают, что после неудачного похода в Карелию Магнус был свергнут с престола и в 1372 году утонул у берегов Норвегии. Наличие же на Валааме древнего материального объекта – могилы Магнуса и бытующего в фольклоре исторического предания в качестве доказательства правдивости событий автором не принимается. Как и включенное в русские летописи завещание Магнуса, названное «мнимым» [6, с. 134]. Бытование преданий в «дикой пустыне, под мраком средних веков» объясняется гордыней: «иноки его, как бы недовольные славою собственными великих угодников... хотели иметь основателем самого Апостола, просветившего Россию, а в числе братии царственного врага ея, оружия коего некогда трепетали, и сии два сказания укрепились в их дикой пустыне» [6, с. 134–135].

А. Н. Муравьев приехал на Валаам во времена внутреннего нестроения (Е. Ю. Сафатова соотнесет пребывание здесь с нахождением в «адском пространстве» [8, с. 17], что представляется преувеличением). Поэтому вполне закономерно, что духовные подвиги иноков мыслятся путешественником в прошлом. Несомненным авторитетом представляется игумен Назарий, восстановивший монашескую обитель на рубеже XVIII–XIX веков после долгого периода разорения. Личность о. Назария, который принял монастырскую общину в числе одного монаха и двух священни-

ков, а «оставил монастырь с каменными... соборами, возрожденными скитами, с братством, превышающим пятьдесят монахов» [4, с. 137], не может не восприниматься как исключительная. Еще один подобный пример – император Александр I, **который во время пребывания на Валааме** «удивлял своим смирением самых отшельников» [6, с. 144]. Неслучайно повествование о его пребывании на Валааме соседствует с историей св. Иоанна Дамаскина о царевиче Иоасафе, променявшем «Индийскую корону на венец нетленный» [6, с. 144]. Среди насельников монастыря автор именует людей выдающихся: духовника о. Федора, искусного механика Вениамина, Гавриила, «бывшего начальником судна в Американской кампании» [6, с. 145]. В остальном монастырская братия, преимущественно состоявшая из выходцев из простого народа, предстает однородной стихией, сродни дремучим валаамским лесам. В описании монахов выделяется нездоровье, чрезмерность трудов: «слышался внутри томный голос чтеца; бледный, изнуренный, он стоял перед аналоем»; «изнуренный инок, который, казалось, с трудом мог стоять» [6, с. 138, 145]. Писатель называет его добровольное восьмилетнее безмолвие «тяжким искусом» [6, с. 145]. Традиционное для подвижников устройство постели из гроба описывается как нелепость, дикий и бессмысленный обычай, который комментируется с некоторой долей иронии: «посетили мы еще одного отшельника в келлии, принадлежавшей прежде игумену Варлааму, где он оставил в наследство новому ея жителю гроб, им самим устроенный, для временного отдыха при жизни, для вечного по смерти. В летнее время множество комаров не дают минуты покоя в этом приюте; но пустынный *уверял нас, что они ему полезны*, высасывая всю лишнюю кровь» [6, с. 138–139]. Под безмянным пустынником скрывался великий подвижник и будущий игумен монастыря Дамаскин, превративший обитель в прославленную духовную крепость.

Единственной радостью иноков является олень, прибитый бурей к валаамскому берегу, но и того игумен повелел отпустить в лес, «опасаясь слишком развлечь их (*монахов – Е. М.*) сею невинною забавою» [6, с. 137]. Безрадостное впечатление усиливает пейзаж: «Унылы места сии, мало жизни в людях и предметах, повсюду лесистые горы и глухие озера, и однообразный гранит выставляет по рубежу дороги пустынные

скрижали, на коих пишет свои тайные руны мотекующее время» [6, с. 126].

Настроение путешественника немного меняется к концу пребывания на острове, умиление вызывает картина сенокоса и расставания с братией. Сенокос воспринимается как патриархальная идиллия: «...самые схимники работают в толпе молодых послушников, подавая им благой пример. Картина сия, истинно трогательная, переносит воображение в первобытные времена иночества» [6, с. 147]. «Трогательность» – эмоциональный фон последних страниц очерка: «Меня тронуло благосклонное внимание старца, который, опираясь на посох, спешил еще раз проститься с нами». Молебен, отслуженный иноками о путешествующих произвел то же воздействие: «Все мы были тронуты сим последним знаком их приязни» [6, с. 147]. Контраст отстраненности путешественника («я спешил воспользоваться попутным ветром для обратного плавания») и сердечного участия в его судьбе иноков приводит к появлению неожиданного ощущения суетности привычного существования. Очерк завершается упоминанием о каменном кресте близ острова Маргич с памятной надписью о пребывании императора Александра I: «Сия каменная надпись служит красноречивым эпитафием Валааму, поясняя отречение его иноков от преходящей славы мира сего!» [6, с. 148]. Крест становится знаком водораздела между двумя мирами: элитарной культурой высшего сословия и народной почвой, своеобразно хранящей веру православную.

Человек рационального взгляда, А. Н. Муравьев пока, скорее, находится вне, а не внутри русской духовной традиции. Авторский акцент сделан на несоответствии монашеского быта образу жизни и мышлению светского человека, воспитанного в традициях западноевропейского гуманизма. Писатель сосредоточил внимание на историях, вызывающих недоумение: «странные пути для большего умерщвления плоти» [6, с. 136], впадение в прелесть отшельников, которые «возносились умственно, начинали чуждаться всякого общения, почитая себя уже на высшей степени созерцания» [6, с. 137]. Следует отметить, что писатель здесь не столько выражает собственное суждение, сколько соглашается со словами о. Федора, доверие к которым, как представляется, вызывает служба келейником у прославленного игумена Назария.

Поездка Муравьева состоялась незадолго до монастырской смуты, начавшейся в том же 1833 году с бунтом старцев против нововведений назначенного, а не выбранного из числа братии настоятеля Вениамина. Причиной смуты, по мнению свт. Игнатия Брянчанинова, являлось искушение, отсутствие должной иерархии и духовного руководства в подвигах в силу чего пустычники «берутся за высокие дела и впадают или в прелесть, или в пьянство или в прочие слабости» [2]. Оставив за скобками подробное рассмотрение смуты, отметим, что глубинные причины ее видятся в столкновении двух тенденций: чуждой книжной учености и стихийной, почвенной веры, традиции и цивилизации. Из 115 монахов только четверо дворянского звания, и только один по-настоящему образован. Остальную братию составляют выходцы их простого народа [2]. Закономерно, что цивилизаторские нововведения Вениамина, весьма преуспевшего во внешнем благоустройстве обители, воспринимались как насилие над ее духом, ярким свидетельством чего служил запрет пользоваться старинными рукописными книгами. Валаамские «ревнители веры» интуитивно почувствовали скрытую угрозу своей духовной самобытности и свободе и отстаивать ее пустились так, что «ревность доходила до буйства» [2]. В качестве одной из мер пресечения смуты, вызванной малообразованностью старцев, свт. Игнатий Брянчанинов предложил устранение из монастыря книг, переведенных с иностранного, названных старцами «ересью».

В связи с этим заметим, что сложность отражения православной обители в произведении А. Н. Муравьева, несомненно, обусловлена также неоднозначностью социально-исторических и духовных процессов, происходивших не только в Валаамской обители. В середине XIX века в русской культуре была проведена окончательная

черта между монастырской и светской культурой: образованное общество разделилось на два непримиримых лагеря, для одного из них монастырь, как и православие в целом, был рудиментом патриархальной старины, для других – прообразом Святой Руси [7]. В этом плане «Путешествие по святым местам русским» А. Н. Муравьева, при всей неоднозначности оценок монастырской жизни в главе «Валаам», сыграло значительную роль в формировании интереса образованного русского общества к православию. Анализируя книгу А. Н. Муравьева в целом, Ю. В. Сафатова, пишет: «В “Путешествиях...” происходит постепенное ступеньвание границ между “своим” и “чужим” пространством... В процессе приобщения к христианской истории постепенно сакрализуется внутреннее пространство души “путешественника ко Святым местам”, что приводит к расширению масштабов освящения реального мира» [8, с. 12]. Уточним, что в очерке «Валаам» представлена начальная стадия вхождения писателя в мир живой христианской веры. В предисловии к четвертому изданию книги «Путешествие по святым местам русским» писатель признается: «Это был мой первый опыт» [6, с. VI]. В этом смысле очерк А. Н. Муравьева, несмотря на встречающиеся культурные стереотипы, является бесценным документом своей эпохи, знаком которой становятся попытки сопряжения этих двух миров, возникших в русской культуре в постпетровскую эпоху. Мир народной веры кажется еще не своим, архаичным, непонятным, но за ним признается право на обладание какой-то неведомой правдой. Представляется, что это качество как нельзя лучше отражает суть начавшегося во второй трети XIX века процесса постепенного возвращения всей русской культуры к своим духовным корням.

Литература

1. Безруков А. А. Феномен возвращения к православию и категория страдания в русской классической литературе XIX века [Электронный ресурс]. – URL: <http://cheloveknauka.com/fenomen-vozvrasheniya-k-pravoslavnosti-i-kategoriya-stradaniya-v-russkoy-klassicheskoy-literature-xix-veka/> (дата обращения: 02.06.2016).
2. Брянчанинов Игнатий. Описание Валаамского монастыря и смут, бывших в нем [Электронный ресурс]. – URL: http://rumagic.com/ru_zar/religion_rel/bryanchaninov/a/j60.html/ (дата обращения: 02.06.2016).
3. Каплин А. Защитник Православия: Андрей Николаевич Муравьев (1806–1874) [Электронный ресурс]. – URL: http://ruskline.ru/analitika/2013/08/30/zawitnik_pravoslaviya_andrej_nikolaevich_muravev_18061874/ (дата обращения: 02.06.2016).
4. Коняев Н. М. Свет Валаама. От Андрея первозванного до наших дней. – М.: Вече, 2009. – 304 с.
5. Лесков Н.С. Собр. соч.: в 12 т. – М.: Правда, 1989. –Т. 7. – С. 369–395.

6. Муравьев А. Н. Путешествие по святым местам русским. – М.: Внешнеберика, 1990. – 384 с.
7. Родченко И. Г. Культура Валаамского монастыря в середине XIX века [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.dissercat.com/content/kultura-valaamskogo-monastyrya-v-seredine-xix-v/> (дата обращения: 02.06.2016).
8. Сафатова Е. Ю. Паломнический сюжет в «Путешествии ко Святым местам в 1830 году» и «Путешествии по Святым местам русским» А. Н. Муравьева: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. – Томск, 2008. – 21 с.
9. Стрижев А. Н. Андрей Николаевич Муравьев [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.portal-slovo.ru/history/35469.php/> (дата обращения: 02.06.2016).
10. Тургенев И. С. Соч.: в 12 т. – М.: Наука, 1979. – Т 1. – С. 173–187.
11. Хохлова Н. А. Андрей Николаевич Муравьев – литератор. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. – 241 с.

Referenses

1. Bezrukov A.A. Fenomen vozvrashcheniya k pravoslavnosti i kategoriya stradaniya v russkoy klassicheskoy literature XIX veka [The Phenomenon of return to the Orthodoxy and the category of suffering in the Russian classical literature of the XIX century]. (In Russ.). Available at: <http://cheloveknauka.com/fenomen-vozvrashcheniya-k-pravoslavnosti-i-kategoriya-stradaniya-v-russkoy-klassicheskoy-literature-xix-veka/> (accessed 02.06.2016).
2. Bryanchaninov Ignatij. Opisanie Valaamskogo monastyrya i smut byvshikh v nem [Description of the Valaam monastery and of the troubles that were in it]. Available at: http://rumagic.com/ru_zar/religion_rel/bryanchaninov/a/j60.html/ (accessed 02.06.2016). (In Russ.).
3. Kaplin A. Zashchitnik Pravoslaviya: Andrey Nikolaevich Muravyev [Defender Of Orthodoxy: Andrey Muravyev (1806-1874)]. Available at: http://ruskline.ru/analitika/2013/08/30/zawitnik_prawoslaviya_andrej_nikolaevich_muravev_18061874/ (accessed 02.06.2016). (In Russ.).
4. Konyaev N.M. Svet Valaama. Ot Andreya pervozvannogo do nashikh dney [The Light of Valaam. From Andrew to the present day]. Moscow, Veche Publ., 2009. 304 p. (In Russ.).
5. Leskov N.S. Sobranie sochineniy: v 12 t. [Works in 12 vols]. Moscow. Pravda Publ., 1989, vol. 7, pp. 369-395. (In Russ.).
6. Muravyev A.N. Puteshestvie po svyatyam mestam russkim [The Journey to the Holy places Russian]. Moscow, Kniga, Vneshiberika Publ., 1990. 384 p. (In Russ.).
7. Rodchenko I.G. Kul'tura Valaamskogo monastyrya v seredine XIX veka [Culture of Valaam monastery in the middle of the XIX century]. (In Russ.). Available at: <http://www.dissercat.com/content/kultura-valaamskogo-monastyrya-v-seredine-xix-v/> (accessed 02.06.2016).
8. Safatova E.Y. Palomnicheskij syuzhet v "Puteshestvii ko Svyatym mestam v 1830 godu" i "Puteshestvii po Svyatym mestam russkim" A.N. Muravyeva. Avtoreferat Diss. dokt. filol. nauk [The Pilgrim story in "The Journey to the Holy places in 1830" and "The Journey to the Holy places Russian" A.N. Muravyev. Author's abstract of Dr. filol. sci. diss.]. Tomsk, 2008. 21 p. (In Russ.).
9. Strizhev A.N. Andrey Nikolaevich Muravyev [Andrey Muravyev]. (In Russ.). Available at: <http://www.portal-slovo.ru/history/35469.php/> (accessed 02.06.2016).
10. Turgenev I.S. Sobranie sochineniy: v 12 t. [Works in 12 vols]. Moscow. Nauka Publ., 1989, vol. 1, pp. 173-187. (In Russ.).
11. Khokhlova N.A. Andrey Nikolaevich Muravyev – literator [Andrey Muravyev – writer]. St. Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 2001. 241 p. (In Russ.).